

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 370–377

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 370–377

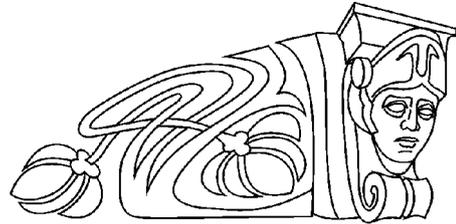
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377>

Научная статья

УДК 341.01

Историко-правовые основы принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на современном этапе

А. В. Чолахян^{1✉}, В. А. Чолахян²

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Арсен Вачаганович, кандидат юридических наук, доцент, arsen.cholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8769-1905>, Aurhor ID: 844421

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Aurhor ID: 474841

Аннотация. В статье представлены историко-правовые аспекты становления и развития двух основополагающих принципов международного права: территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Авторский анализ показывает, что в настоящее время в международном праве нет иерархии среди принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение – они взаимосвязаны и обладают одинаковой международно-правовой силой. Противоречивая трактовка этих принципов международного права обусловлена как соотношением сил на политической арене и интересами государств в тот или иной конкретно-исторический период, так и политикой «двойных стандартов» и отсутствием четкого механизма реализации принципов международного права.

Ключевые слова: принцип территориальной целостности государств, права народов на самоопределение, сецессия, независимость автономия

Для цитирования: Чолахян А. В., Чолахян В. А. Историко-правовые основы принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 370–377. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historical and legal foundations of the principles of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination at the present stage

A. V. Cholakhyan^{1✉}, V. A. Cholakhyan²

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arsen V. Cholakhyan, arsen.cholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8769-1905>, Aurhor ID: 844421

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Aurhor ID: 474841

Abstract. The article presents the historical and legal aspects of the formation and development of two fundamental principles of international law: the territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination. The author's analysis shows that currently there is no hierarchy in international law among the principles of territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination – they are interrelated and have the same international legal force. The contradictory interpretation of these principles of international law is due to both the balance of forces in the political arena and the interests of States in a particular historical period, and the existence of a policy of “double standards” and the lack of a clear mechanism for implementing the principles of international law.

Keywords: the principle of territorial integrity of states, the right of peoples to self-determination, secession, independence, autonomy

For citation: Cholakhyan A. V., Cholakhyan V. A. Historical and legal foundations of the principles of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination at the present stage. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 370–377 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-370-377>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Важной проблемой современного международного права являются сложные и многогранные аспекты соотношения принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Для обеспечения всеобщего мира и безопасности государств, а также соблюдения прав и свобод человека весьма актуально добиться соблюдения принципа территориальной целостности и неприкосновенности государств и права народов на самоопределение. Реализация данных принципов тесно связывается с политическими интересами государств и является одним из противоречий современного международного права: между стремлениями к общечеловеческой интеграции и национальным обособлением, между соблюдением прав человека и незыблемостью суверенитета (государственного или национального).

На практике особую опасность указанного противоречия можно увидеть в территориальных спорах и притязаниях, в интернационализации конфликтов, что ставит под сомнение стабильные отношения и связи между государствами, делая мировую систему в целом в достаточной степени неустойчивой. В конце XX – начале XXI в. в мире произошли кардинальные изменения (развал Советского Союза, Югославии, угрозы целостности Китая, Индии, Шри-Ланки, Испании, Канады, Турции, Великобритании), активизировавшие дискуссии в международном праве о взаимоотношениях этих двух принципов. Они касаются, прежде всего, их доктринального толкования и включают в себя как антиколониальные концепции и подходы, отстаивающие территориальную целостность государств, так и теоретические обоснования правомерности одностороннего провозглашения независимости (сецессии). Приоритетное применение тех или иных подходов связано с соотношением сил на международной арене в конкретный исторический период, особенностями общественного правосознания, существованием политики «двойных стандартов» и пр. В настоящее время существенным пробелом в международном праве является неурегулированность способов и форм реализации права народов на самоопределение.

Анализ литературы и международно-правовых документов свидетельствует о том, что принципы территориальной целостности государств и право народов на самоопределение зародились примерно в одно время – во второй половине XVIII в. – и представляли собой неразрывное целое. В Декларации независимости

США 1776 г. источником власти, национально-го суверенитета признавалась нация, наделенная правом выбирать свое политическое устройство, форму правления и самостоятельного развития [1, с. 35].

Во времена Великой французской буржуазной революции естественное равенство всех народов и уважение их суверенитета нашло отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации» [2].

В результате буржуазных революций в Европе в XIX в. получили дальнейшее развитие идеи народного суверенитета и территориального верховенства по принципу «один народ – одно государство». Национально-освободительные и революционные движения в Италии, Османской и Австро-Венгерской империях основывались на праве народов распоряжаться своей судьбой. В международных отношениях стали появляться элементы права, в частности, необходимость согласия населения при передаче территории от одного государства другому, проведения народных голосований (плебисцитов) как обязательной предпосылки территориальных изменений, например, плебисциты по присоединению графства Ниццы и Савойи к Франции в 1860 г., Неаполитанского королевства и Сицилии – к Итальянскому королевству в 1860 г., Венеции – к Итальянскому королевству в 1866 г. и др.

Вопросы предоставления независимости и автономии определенным территориям рассматривались на международном уровне на Берлинском конгрессе в 1878 г. В частности, Сербия и Черногория получили независимость, Болгария – статус самоуправляющегося княжества с номинальным сохранением османского правления, Восточная Румелия – статус автономии в составе Османской империи. На Берлинском конгрессе армянский вопрос впервые стал объектом международного права. Вопреки ожиданиям армянских лидеров на получение автономии в Западной Армении, ст. 61 Берлинского Трактата обязывала Османскую империю лишь осуществить реформы в армянских областях и обезопасить население от черкесов и курдов под эгидой концерта европейских держав [3]. Воспользовавшись противоречиями между ними, турецкие власти перешли к политике физического уничтожения армянского населения, апогеем которой стал геноцид армян в 1915 г.

В конце XIX – начала XX в. принципы территориальной целостности государств и право народов на самоопределение начинают занимать важное место в программных документах многих либеральных и социал-демократических партий. При этом, если западные либеральные партии толковали принцип территориальной целостности и право на самоопределение как призыв к объединению, а не к разделу уже существующих государств, например германской и итальянской наций, то российские социал-демократы, наоборот, добивались права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства.

Наиболее последовательную позицию в этом вопросе занимал В. И. Ленин. Именно он поднял вопрос о политическом самоопределении угнетенных наций с целью вовлечения их в классовую борьбу. Идеи Ленина легли в основу «Декларации прав народов России», принятой СНК 2 ноября 1917 г., в частности, «равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [4, с. 40].

Этими принципами руководствовалась советская делегация на переговорах в Брест-Литовске в декабре – марте 1918 г. с державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция). В ответ на их предложение «принять к сведению заявления народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской Федерации», СНК 11 января 1918 г. принял декрет «О Турецкой Армении», в котором советская власть признавала право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» «на свободное самоопределение вплоть до полной независимости» [5, с. 35].

По Брест-Литовскому мирному договору от 3 марта 1918 г. в соответствии с ленинским принципом о праве наций на самоопределение от Советской России отторгались Польша, Литва, Украина, часть Белоруссии и Эстляндии, Финляндия, Аландские и Моонзундские острова. Однако в отношении Закавказья этот принцип не применялся – Османской империи отошли округа Карс, Ардаган и Багум. Турецкие власти не позволили армянам реализовать свое право на самоопределение, а Россия обязалась «не вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов» [5, с. 36].

После образования СССР Ленин несколько пересмотрел свои взгляды, разграничил само

право на самоопределение и вопрос целесообразности отделения той или иной нации: «Целесообразность отделения в каждом отдельном случае должна определяться совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» [6, с. 440].

Своеобразным ответом на мирные инициативы Советской России стало знаменитое послание президента США В. Вильсона конгрессу от 8 января 1918 г. В этом документе были сформулированы базовые принципы будущего устройства мира после окончания Первой мировой войны. Среди них – отказ от тайной дипломатии, сокращение вооружений, приоритет интересов общества в решении международных споров. В частности, в п. 5 отмечалось, что «при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены. Каждое территориальное изменение, как следствие войны, должно быть сделано во благо заинтересованного населения, а не как часть голого соглашения или компромисса требований соперничающих государств» [7, с. 27–28].

Вместе с тем в п. 14 своего послания В. Вильсон впервые заявил о политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств, создав тем самым нестыковку с принципом самоопределения народов. Им же была предложена идея создания Лиги Наций, хотя сами США в дальнейшем отказались вступить в нее [8].

В целом предложения В. Вильсона легли в основу Версальского мирного договора и послевоенного устройства мира. Страны-победительницы использовали право народов на самоопределение в качестве политического принципа при образовании новых независимых государств. Однако не прошло и 20 лет, как Вторая мировая война продемонстрировала неустойчивость Версальско-Вашингтонской системы.

Новый этап в развитии базовых принципов международных отношений наступил после окончания Второй мировой войны и связан, прежде всего, с образованием Организации Объединенных Наций. В Уставе ООН, который вступил в силу 24 октября 1945 г., право народов на самоопределение впервые было закреплено в качестве принципа международного права, т. е. произошло превращение его из политического в правовой. В ст. 55 отмечалось, что «с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует:

а. Повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития.

б. Разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования.

с. Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [9].

Включению принципа права народов на самоопределение в Устав ООН предшествовало длительное обсуждение в Подкомитете Комитета 1 Комиссии I. В результате было принято компромиссное решение: принцип предполагает право на самоопределение, а не право на сепарацию; самоопределение относится и к возможному объединению национальностей по их свободному волеизъявлению, хотя порядок его реализации не раскрывался [10].

Распад колониальной системы сыграл значительную роль в утверждении права на самоопределение в качестве принципа международного права. Во Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, в Международных пактах о гражданских и политических правах 1966 г. содержались положения о предоставлении независимости колониальным странам, разграничивались права народов, находящихся под колониальной или иностранной зависимостью.

В Декларации о принципах международного права 1970 г. право народов на самоопределение уже не сводилось исключительно к праву колоний, а признавалось за всеми народами. Раскрывая возможные формы осуществления права народов на самоопределение («создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса»), Декларация делала основной акцент на то, что «каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны» [11, с. 153].

Подобное противоречивое понимание содержания двух международно-правовых принципов было закреплено в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. С одной стороны, в случае сепарации, т. е. выхода из государства и выделения части его территории, верховенство устанавливалось за принципом территориальной целостности, а с другой, при самоопределении без нарушения территориальной целостности (например, самоопределение в форме создания автономий), преимущество над принципом

территориальной целостности государств имел принцип самоопределения народов [12].

Такое толкование содержания принципов международного права усложняло процесс самоопределения народов путем создания независимого государства и часто приводило к возникновению как вооруженных, так и невооруженных (межнациональных) конфликтов. Например, сепарация Эритреи, образование Турецкой Республики Северного Кипра, спор по Восточному Тимору между Португалией и Австралией и др. В условиях крайней политизированности принципов международного права их соотношение стало зависеть от внутренних и внешних факторов. Отсутствие конкретных и четких критериев форм и условий реализации права на самоопределение приводило к возникновению правовых коллизий и ограничительному, упрощенному толкованию реального соотношения содержания этих принципов.

В конце XX – начале XXI в. произошли глобальные изменения в миропорядке: завершение процесса деколонизации, объединение Германии, распад таких крупных федеративных государств, как Союз Советских Социалистических Республик (СССР) и Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Эти события оказали сильное влияние на соотношение международных принципов территориальной целостности государств и самоопределения народов.

Распад СССР и СФРЮ привел к образованию новых независимых государств. Международное сообщество оказалось не готовым к столь кардинальным переменам и признало принцип территориальной целостности в качестве базиса нового миропорядка. Между тем произвольное приращение принципа территориальной целостности к новым независимым государствам без учета соблюдения ими национального законодательства и установления международно признанных границ привело к возникновению серьезных межнациональных конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Косово и др.

Статья 72 Конституции СССР 1977 г. содержала положение о праве свободного выхода из Союза, но процедура отделения была регламентирована лишь 3 апреля 1990 г. Законом «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». В соответствии со ст. 2 Закона решение о выходе принимается свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума, а ст. 3 гласила: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР

или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе» [13].

Примечательно, что о Законе от 3 апреля 1990 г. вспомнили в период грузинской агрессии против народа Южной Осетии в августе 2008 г. Именно на основании этого правового акта на заседаниях Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации было объявлено о неправомерности Грузии вершить судьбу своих бывших автономий в 1991 г. По сути Закон СССР от 3 апреля 1990 г. стал юридической базой для признания Российской Федерацией государственной независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия 26 августа 2008 г.

Таким образом, в соответствии с союзным конституционным правом при определенных условиях не только союзные республики, но и автономии имели право на независимую государственность. Однако этим правом воспользовался лишь Нагорный Карабах. 10 декабря 1991 г. там был проведен референдум, по которому подавляющее большинство населения (99,8%) высказалось за полную независимость от Азербайджана. 6 января 1992 г. Верховный Совет НКАО принял Декларацию о государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики.

США и международные организации, заинтересованные в скором распаде Советского Союза, стали рассматривать внутренние административные границы бывшего СССР как международно признанные, а принцип территориальной целостности распространяли на новообразованные государства. Между тем внутренние границы союзных республик, установленные большевиками, исходя из интересов классового, пролетарского интернационализма, были весьма условными и таили в себе немало противоречий, что подталкивало народы к конфликтам, а не к политическому урегулированию. К тому же признание внутренних границ союзных республик не распространялось на границы автономий.

На проблему международно признанных границ обратили внимание еще в 1920 г., когда Лига Наций воздержалась от юридического признания закавказских государств (Азербайджана и Армении) до тех пор, пока они не урегулируют взаимные территориальные споры. Речь шла о Нагорном Карабахе и Нахичеване [14]. С тех пор в практике международных отношений закрепились негласная норма признавать только те новые государства, которые не имеют территориальных проблем.

Таким образом, в 1920 г. Лига Наций не определилась с принадлежностью Нагорного Карабаха. 30 августа 1991 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР принял декларацию «О восстановлении государственной независимости Республики Азербайджан», а 18 октября

1991 г. Республика Азербайджан подтвердила свою независимость путем принятия «Конституционного акта о государственной независимости». В Конституционном акте Азербайджанская Республика провозглашалась правопреемницей Азербайджанской Демократической Республики (АДР), существовавшей с 28 мая 1918 г. по 28 апреля 1920 г. [15, с. 35]. В указанный период юрисдикция АДР не распространялась на Нагорный Карабах (впрочем, как и на Нахичевань).

Отказ Баку от правопреемства Азербайджанской ССР вновь поставил под сомнение территориальную принадлежность Нагорного Карабаха, а ко времени международного признания Азербайджанской Республики (принятие в ООН в марте 1992 г.) Нагорный Карабах в соответствии с союзным законодательством провозгласил свою независимость (Нагорно-Карабахскую Республику, НКР) и де факто не вошел в состав Азербайджана.

В условиях нарастания напряженности в межэтнических отношениях происходила насильственная депортация армян и азербайджанцев, которая переросла в кровопролитную войну. В самый разгар войны, с 30 апреля по 12 ноября 1993 г., Совет Безопасности ООН принял 4 резолюции по нагорно-карабахскому конфликту (822, 853, 874 и 884). Главными требованиями являлись: незамедлительное прекращение огня, немедленный и полный вывод оккупационных сил из 7 районов Азербайджана, признание ее территориальной целостности, возвращение беженцев, восстановление экономических, транспортных и энергетических связей в регионе [16]. Ни одно требование или призыв 4-х резолюций Совета Безопасности ООН сторонами конфликта в 1993 г. не были выполнены.

Только благодаря усилиям России 5 мая 1994 г. в г. Бишкеке был подписан документ, известный как Бишкекский протокол, призывающий все противоборствующие стороны прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая 1994 г. К этому времени силы самообороны НКР не только освободили большую часть своей территории, но и заняли 7 районов, создав зону безопасности.

В 1994–2020 гг. в разрешении Нагорно-Карабахского конфликта принимали участие Россия, СНГ, Иран, ООН и СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе)/ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). В этом переговорном процессе проявилось одно из противоречий международного права: между принципом территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение. Международное сообщество определилось с концептуальной базой решения Нагорно-Карабахского конфликта на основе соблюдения территориальной целостности Азербайджана и предоставления широкой

автономии армянам Нагорного Карабаха в составе Республики Азербайджан.

Переговоры по заключению мирного соглашения между сторонами не дали результатов. Из-за разногласий с Азербайджаном и США России не удалось ввести своих миротворцев в регион, что в дальнейшем, через 26 лет, позволило Азербайджану нарушить бессрочное соглашение о полном прекращении военных действий. В сентябре – ноябре 2020 г. в результате второй карабахской войны азербайджанская сторона фактически вернула себе потерянные районы, и даже часть территории НКР, в частности Гадрутский район и г. Шуши [17]. По взаимному согласию сторон в регион был введен российский миротворческий контингент. Вопрос о статусе Нагорного Карабаха вновь остался открытым.

Примерно по такому же сценарию развивались события в Косово. В результате распада СФРЮ край Косово, имевший статус автономного образования, 22 сентября 1991 г. объявил о своей независимости и через несколько дней провел референдум. Межнациональное противостояние привело к кровопролитной войне. В ходе войны Советом Безопасности ООН были приняты 5 резолюций, в которых подтверждалась территориальная целостность Союзной Республики Югославия (СРЮ), осуждалось применение силы, содержались призывы к немедленному прекращению огня [18].

Под предлогом этнических чисток и присутствия сербских войск на территории края Косово войска НАТО без санкции Совета Безопасности ООН начали 24 марта 1999 г. военно-воздушную операцию против СРЮ. В результате военных действий им удалось 9 июня 1999 г. добиться согласия СРЮ на ввод миротворческих сил в Косово и переход края под управление ООН, что и было осуществлено на основании резолюции СБ ООН от 10 июня 1999 г. № 1244 [19]. В ней отмечалась необходимость достижения «политического рамочного соглашения, предусматривающего значительную степень самоуправления для Косово с полным учетом» «принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославия и других стран региона» [20].

Переговорный процесс по урегулированию косовской проблемы, аналогичный Нагорно-Карабахскому конфликту, рассматривал территориальную целостность СРЮ, предоставление Косово широкой автономии, возвращение беженцев, организацию и содействие политическому процессу по определению будущего статуса Косово. Однако 17 февраля 2008 г. парламент Косово принял декларацию независимости, а Международный суд по запросу Генеральной Ассамблеи ООН вынес положительное Консультативное заключение по вопросу о соответствии

нормам международного права одностороннего провозглашения независимости Косово [21].

При этом Международный суд обошел стороной такие важные дискуссионные проблемы международного права, как юридические последствия принятия декларации независимости, вопросы сецессии, роль и признание референдумов за независимость. На это обратил внимание А. Х. Абашидзе (в то время вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам), заметив, что Международный суд ООН имел возможность раскрыть содержание права на самоопределение на современном этапе развития международного права [22, с. 75].

По мнению Д. Пушкиной и А. Федоровой, «случай Косово можно считать тем показательным примером, когда политические аспекты проблемы настолько преобладают над правовыми вопросами, что рассмотрение легитимности независимости Косово исключительно с использованием норм права представляется невозможным» [23, с. 164].

В условиях отсутствия общепризнанных критериев признания либо непризнания самопровозглашенных государств мировым державам по существу предоставляется право самим анализировать и определять степень необходимости и обоснованности возможного признания: именно в соответствии с этим правом Российская Федерация признала республику Абхазия и республику Южная Осетия и установила с ними дипломатические отношения.

Правоприменительная практика признания независимости самопровозглашенной Республики Косово, Южной Осетии и Абхазии внесла коррективы в толкование содержания права на самоопределение. В современном международном праве право народов на самоопределение стало основополагающим принципом, приобрело юридически обязательный характер нормы *jus cogens*, в основе которой лежат воля народа и его право самому решать свою судьбу. В то же время сецессия без согласия правительства применяется в качестве крайней меры и возможна только в случае дискриминации народа, преследования его по религиозным или этническим признакам, что ставит под угрозу само существование народа.

Таким образом, можно констатировать, что в основе Нагорно-Карабахского и Косовского конфликтов лежит дискриминация национальных меньшинств. В ряде случаев ситуацию могут осложнять исторические политические решения (как показывает история – ошибочные). Например, при разделе Палестины, при присоединении территории Нагорного Карабаха к Азербайджану, территории Крыма к Украине без соответствующего волеизъявления населения. На протяжении всего советского периода

в Азербайджанской ССР власти проводили политику азербайджанизации, суть которой заключалась в ассимиляции национальных меньшинств. Лезгины, тальши, таты, курды, исповедующие ислам, уже в 1980-е гг. исчезли с этнической карты Республики.

Поскольку армяне меньше поддавались ассимиляции, их посредством экономических и политических преследований постепенно вытесняли из Азербайджанской ССР. Так, если в 1926 г. в Нахичеванской АССР армянское население составляло 10,7%, то ко времени начала развала СССР (1989 г.) – всего 0,6% [24]. В Нагорном Карабахе доля армянского населения за этот же период сократилась с 89,2% до 76,9%, а азербайджанцев – соответственно выросла с 10,0% до 21,5% [25]. А когда политика азербайджанизации встречала непреодолимые препятствия, власти прибегали к политике физического уничтожения: в сентябре 1918 г. азербайджано-турецкие войска заняли Баку и убили более 30 тыс. армян, в феврале 1988 г. и январе 1990 г. произошли массовые погромы мирного армянского населения с многочисленными жертвами, а развязанная в январе 1992 г. война Азербайджана против Нагорного Карабаха принесла многотысячные жертвы.

Массовые нарушения прав человека по национальному признаку и дискриминация национальных меньшинств создали те самые особые обстоятельства, давшие населению Косово и Нагорного Карабаха легитимные, с точки зрения международного права, основания для провозглашения независимости. Однако в первом случае международное сообщество признало волеизлияние народа, а во втором – нет. На наш взгляд, противоречивая трактовка аналогичных событий и явлений связана с рядом причин объективного и субъективного характера: соотношением сил на политической арене и интересами государств в тот или иной конкретно-исторический период, существованием политики «двойных стандартов», отсутствием четкого механизма реализации принципов международного права и др.

При этом следует признать, что в международном праве нет иерархии среди принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение – они взаимосвязаны и обладают одинаковой международно-правовой силой. Заявляя о территориальной целостности государств, международное право допускает возможность изменения границ на основе права народов на самоопределение в том случае, когда конкретное государство пренебрегает своими международными обязательствами и нарушает коллективные права и свободы человека. На наш взгляд, для предотвращения новых межнациональных и этнических конфликтов международному сообществу необходимо разработать механизм правового реагирования

в случае нарушения основных прав и свобод народов.

Список литературы

1. Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательство / пер. с англ. В. И. Лафитского ; под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. М. : Прогресс ; Универс, 1993. 765 с.
2. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. [Электронный ресурс] // Великая французская революция. URL: <https://rushist.com/index.php/west/4674-deklaratsiya-prav-cheloveka-i-grazhdanina-1789-kratko> (дата обращения: 26.02.2021).
3. Берлинский конгресс 1878 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 26.02.2021)ю
4. Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / под ред. С. Н. Валка. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. 626 с.
5. Чолахян В. А. Брестский мир (1918 г.) и его последствия для армянского народа // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сборник материалов XI Всероссийской научной конференции (Саратов, 15 февраля 2018 г.) / отв. ред. В. А. Чолахян. Саратов : Издательский центр «Наука», 2017. С. 33–40.
6. Ленин В. И. Резолюция по национальному вопросу // Полн. собр. соч. (5 изд.) : в 55 т. Т. 31. М. : Издательство политической литературы, 1969. 510 с.
7. Системная история международных отношений : в 4 т. 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Московский рабочий, 2000. 380 с.
8. President Woodrow Wilson's 14 Points (1918) [Electronic resource]. URL: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=62> (дата обращения: 27.02.2021).
9. Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 27.02.2021).
10. Documents of the United Nations Conference on International Organization. G / 29 (vol. III). URL: <https://archive.org/stream/documentsoftheun008783mbZpage/n21/mode/2up> (дата обращения: 27.02.2021).
11. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии. Нью-Йорк, 1970. С. 153.
12. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный Акт. Хельсинки 1975. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 28.02.2021).
13. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902002993> (дата обращения: 22.02.2021).
14. League of Nations. The Records of the First Assembly. Meetings of the Committees II. Geneva, 1920. P. 173–174. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3104048.html> (дата обращения: 28.02.2021).
15. Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики. № 19–20. 1991. 31 окт. 285 с.

16. Резолюция Совета Безопасности ООН от 12 ноября 1993 г. № 884. URL: <https://www.un.org/russian/document/scresol/res1993/res884.htm> (дата обращения: 30.01.2021).
17. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 05.02.2021)
18. Резолюция Совета Безопасности ООН от 17 ноября 1998 г. № 1207 // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N98/357/03/PDF/N9835703.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.03.2021).
19. Операция ВВС в Косово. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49602.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 03.03.2021).
20. Резолюция Совет Безопасности ООН от 10 июня 1999 г. № 1244 // Официальный сайт ООН. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999)) (дата обращения: 04.03.2021).
21. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo (Request for Advisory Opinion). URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/141> (дата обращения: 03.03.2021).
22. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Балканы – ахиллесова пята евро-атлантической безопасности // Обозреватель – Observer. 2010. № 10 (249). С. 66–75.
23. Пушкина Д., Федорова А. Невыносимая легкость международного права? // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 164–177.
24. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2294 (дата обращения: 05.03.2021).
25. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resZnac_89.php?reg=70 (дата обращения: 05.03.2021).

Поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 12.04.2022